

Синельникова Л.Н.

Луганск, Украина

ПРИЗНАКИ ДИСКУРСИВНОЙ МАТРИЦЫ
ГУМАНИТАРНОГО ПРОСТРАНСТВА
НОВОГО ВЕКА

УДК 81`27

ББК Ш 100.3

Аннотация. Статья посвящена обобщающему анализу основных дискурсов и дискурсивных практик постсоветского общества, оказывающих влияние на общественное сознание и структуру личности. На основе наиболее очевидных тенденций, проявляемых в дискурсах нового века, делается прогноз, касающийся изменений в области языковой и стилистической нормы, а также формирования синкретических дискурсий, появление и дальнейшее развитие которых связано с новыми общественно-экономическими отношениями, с проблемами глобализации и др., стимулирующими совмещение маркетологических и лингвосемиотических начал.

Ключевые слова: дискурсивная матрица, СМИ-дискурс, политический дискурс, адресант – адресатные отношения, рекламный креатив, дискурсивная личность.

Сведения об авторе: Синельникова Лара Николаевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского национального университета (Украина).

Место работы: Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко.

Контактная информация: 91011, Украина, г. Луганск, ул. Матросова, д. 2-а, кв. 10.
E-mail: larnics@luguniv.edu.ua.

В объединении двух слов «дискурс» и «матрица» фиксируется парадигмоустанавливающий статус дискурса в современном гуманитарном знании. Словарь толкует слово матрица так: *источник, начало* (лат.), и дискурс – начало и источник исследовательских действий в условиях новой (обновленной) гуманитарной парадигмы; *углубленная форма* (полиграф.), и дискурс-анализ нацелен на отход от стереотипов и расширение горизонта интерпретаций; *таблица объектов* (мат.) – это значение может быть соположено с номенклатурой дискурсов и дискурсивных практик, подлежащих описанию или уже описанных; словосочетание *матричное моделирование* (мат.) можно интерпретировать как установление взаимосвязей между разными областями гуманитарного знания и между разными видами дискурсов (такую матричную таблицу можно сравнить с периодической таблицей Д. Менделеева, постепенно и закономерно заполняемой новыми элементами по мере развития химической науки, сопровождающегося открытием новых элементов).

Попытаемся обозначить основные для нашего времени дискурсивные матричные клетки и назвать наиболее очевидные когнитивные, а также связанные с ними языковые признаки дискурсивных практик, которые существенно

Sinel'nikova L.N.

Luhansk, Ukraine

THE SIGNS OF DISCURSIVE MATRIX
OF THE HUMANITARIAN FIELD
IN THE MODERN AGE

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Abstract. The article is devoted to the generalized analysis of the main discourses and discursive practices in the post-Soviet society, which influence on the social conscience and on the individual's composition. On the basis of the most obvious tendencies, which are displayed in the discourses of the Modern Age, the forecast is being made. It deals with the changing in the field of linguistic and stylistic norm, also with the formation of the syncretical discourses. The appearance and future development of them is connected with the new social and economical relations, with the problems of globalization, etc., which stimulate the combination of marketing and linguasemiotic principles.

Key words: discursive matrix, media discourse, political discourse, addressee – addresser relations, advertising creation, discursive personality.

About the author: Sinel'nikova Lara Nikolaevna, doctor of Philological Sciences, professor, head of the department of Russian linguistic studies and communicative technologies of Luhansk National University (Ukraine).

Place of employment: Luhansk Taras Shevchenko National University.

изменили (и продолжают изменять) картину мира современного человека. На фоне такого рода обобщающего описания с учетом ряда отчетливо обозначившихся тенденций можно позволить нежесткое прогнозирование формирования и развития некоторых новых видов дискурсий.

Дискурсивная матрица демонстрирует гетерогенность живого движения общественных процессов, отсюда неоднородность дискурсивных форм и значений, их когнитивных, оценочных, аффективных признаков. Гуманитарный дискурс в целом по условиям многополярного мира реагирует на изменение детерминант – идеологических, культурных, этических и неизменно сопровождающих их – психологических, тесно связанных с человеческим фактором. Резкие изменения в общественном сознании и в языковой картине мира обозначились в постсоветский период по причине внезапного преобразования отношений между множеством составляющих, например, между прошлым и настоящим, традиционным и новым, глобальным и национально-специфическим, универсальным и вариативным, реальным и виртуальным. В центре гуманитарного знания стоит человек, который в наше мятежное время оказался далеко не в простом положении (вряд ли

его можно назвать *творцом своего счастья* – идеологема советского времени: сама категория счастья все более теряет социальные «зажимки»). Текстовые манифестации разных типов постсоветского дискурса – тоже о человеке, о его социальном и глубоко личностном существовании, о человеке, ищущем себя и определяющем возможности быть в новой системе координат.

Первое место по степени влияния на общественное сознание и личность как таковую занимает СМИ-дискурс. Это, по сути, родовое для нашего времени мегапонятие, точнее – мегапроект, «супермаркет новостей» и их интерпретаций, которому в той или иной степени подчиняются многие видовые дискурсивные действия. Акторы СМИ-дискурса действуют в пространстве таких проектных установок, как креативность, многоуровневость, полисемиотичность, креализованность, и это требует постоянного усложнения заданий и задач в условиях конкурентной борьбы за рейтинги. Легализацию понятия «проект» подтверждают специфические номинации типа «медиапродукт», «телеизделие» и т.п., свидетельствующие о высокой степени технологичности (монтажности) СМИ-дискурса.

СМИ-дискурс исходно идентифицировался по фактору адресата. Наиболее существенные изменения в этом глобальном коммуникативном пространстве связаны с изменением образа адресата. Одно дело, если под массовым адресатом имеется в виду весь народ (в советское время идеологическим предикатом к народу было выражение «весь советский народ»), и другое – объясняемая социальной напряженностью и конкурентно-рыночными отношениями сегментация массового адресата на референтные группы, превращение его в целевого адресата. Целевой адресат – это тот, которому нужно не просто о чем-то рассказать, но которого нужно убедить, сделать союзником, превратить в единомышленника, заставить совершать желаемые для информирующего поступки.

Конституирование феномена «целевой адресат» в современных СМИ в корне меняет манифестируемые в текстах адресант-адресатные отношения. Модель «адресат – alter ego адресанта и наоборот» существенно модифицирует коммуникативную рамку письменного публицистического и устного публичного дискурса, стимулирует расширение функциональных возможностей языковых средств, в том числе тех, которые имели статус маргинальных, ненормативных, не соответствующих деонтологии публичной речи. Современный СМИ-дискурс – максимально открытая система, и это обеспечивает возможность привносить в нее элементы других систем, создавать новые конфигурации, систематическое воспроизведение которых способно менять нормоустанавливающие критерии системы, безостановочно расширяющей круг доноров. Все больше СМИ-дискурс

подпитывается от донора-маргинала, отсюда «оседание» в публицистических текстах просторечий, жаргонизмов, не освоенных обществом и поэтому по-разному толкуемых заимствований и многое другое.

СМИ-дискурс инкорпорирует свойства других дискурсов, меняя при этом, как в калейдоскопе, конфигурацию признаков и демонстрируя «усталость» от жанровых конвенций и предписаний. Характерная для нашего времени установка на позиционирование, имиджевость, «пристройку» или «отстройку» от чего- или кого-либо когнитивно преобразует СМИ-информацию (в том числе и новостную) через выраженный компонент воздействия на адресата не только как получателя информации, но и как потребителя материальных ценностей.

Современные СМИ – интеракциональная система. Интеракциональность в СМИ означает участие в созидании дискурса не только его автора (адресанта), но и адресата. Новые адресант-адресатные отношения изменили статус адресанта и адресата как языковых личностей. Увеличивается набор форм диалогичности в письменных текстах СМИ-дискурса: неперсонифицированные микродиалоги и персонифицированные объемные диалоги, все другие формы чужой речи, инклузивные и эксклюзивные местоимения, декларирующие общность или разобщенность, и многое другое – все это характерные признаки СМИ-дискурса в его современной версии. Приведем пример рассуждения журналиста-интеллектуала А. Архангельского на тему, вынесенную в название статьи, – «Мы не собаки, собаки немы» («Огонёк», 2002, № 33):

«На самом деле современный человек, страдая от одиночества и не умея наладить контакт, взаимопонимание с себе подобными, просто заводит бессловесное, беззащитное чудо природы для самооправдания и утешения (по этой же причине многие заводят детей). Ему можно пожаловаться, поплакаться, иногда поругать... И в ответ ОНО никогда не скажет: «Слушай, ты грузишь (напрягаешь, заколебала)». ОНО не может уйти из дома, хлопнув дверью. ОНО полностью зависит от нас, и нас это вполне устраивает. Все это идет именно от нашей инертности, душевной лени, неумения общаться, дружить, любить, жить друг с другом... В отношениях с людьми нужно постоянно искать, поддерживать, выдумывать что-то, а с собачкой ведь, по большому счету, все просто (как нам кажется): покормил, погладил, выгулял, и все. И на тебе в ответ «чистую любовь». А с человеком такой номер – не проходит. Человек сложен, но и одновременно прекрасен – именно тем, что непредсказуем. Но нам ведь ежедневно решать психологические задачи на фига, правда?...».

Классическое рассуждение как функционально-смысловой тип речи характеризуется

такими признаками: соответствие форме абстрактного мышления, оформление с помощью лексико-грамматических средств причинно-следственной семантики, ориентация на образованного интеллигентного адресата с целью убеждающего воздействия; экспрессивность этого типа речи обнаруживается по большей части в композиции и в синтаксисе [Трошева 2003]. Рассуждение в нашем примере идет сквозь призму сознания другого. Автор как бы обеспечивает адресата «стилистической поддержкой», согласуя стиль рассуждения – прежде всего на лексическом уровне – с языковыми преференциями адресата (употребив слово *грузишь*, автор в скобках предлагает варианты – *напрягаешь*, *заколебала*, расширяя тем самым возможности выбора для инородной языковой личности и не слишком противопоставляя себя ей). Показателен факт диалогичности заключительной части рассуждения, имитирующей обратную связь с гипотетическим адресатом, превращенным через несобственно-прямую речь в актуального: «*Но нам ведь ежедневно решать психологические задачи на фига, правда?...*».

СМИ-информация по сверхзадаче ее создателей должна получить статус «разделенного знания». Именно этим объясняется установка на приближенность к адресату через выбор стилистических средств, маркирующих синхронную обратную связь с читателем. «Эффективность общения прямо пропорциональна уровню взаимопонимания между коммуникантами. Под взаимопониманием в данном случае мы имеем в виду совпадение объемов информации, зашифрованной в сообщении адресантом и верно расшифрованной адресатом» [Леонович 2007: 65]. К сказанному необходимо сделать существенное добавление: «подстраховкой» для совпадения объемов информации является выбор языковых средств для ее передачи, и этот выбор в современных дискурсивных практиках все более согласуется с жизненными ценностями и языковым тезаурусом адресата. Дискурсы СМИ демонстрируют интенсивное взаимодействие адресанта и адресата как языковых личностей. Предлагая свой взгляд на то или иное положение вещей, адресант стремится представить его в такой форме и с помощью таких средств и приемов, которые способствуют солидаризации с адресатом через общие речемыслительные процессы. Планируемый адресантом перлокутивный эффект по большей части связывается с психологическими характеристиками адресата, его языковым сознанием, следствием чего является активизация со стороны адресанта когнитивно-лингвальных действий диалогического характера [Синельникова 2008].

Дискурсы нового века фиксируют пандемическое распространение установки на манипулятивность. Опознавательные признаки мани-

пулятивности исчислить не просто, что вполне объяснимо самой природой манипуляции (исходное значение – фокус, основанный на ловкости рук). Манипулятивным именуется коммуникативное воздействие, направленное на актуализацию у объекта воздействия мотивационных состояний, желательных для субъекта воздействия, это скрытое принуждение, психическое воздействие извне, контроль и управление со стороны другого [Доценко 1987; Афаневич 2008]. В международной практике выделяются семь основных приемов информационно-психологического воздействия: 1) приклеивание ярлыков (name calling) – оскорбительные названия, метафоры, эпитеты, вызывающие эмоционально негативное отношение; 2) «сияющие обобщения» или «блестательная неопределенность» (glittering generality) – применение номинаций, вызывающих положительное чувство (свобода, патриотизм, содружество и под.); 3) перенос или трансфер (transfer) – незаметное соположение того, что уже принимается позитивно, с тем, что хотят сделать позитивным через соответствующие ассоциации; 4) ссылка на авторитеты как свидетельства (testimonial) – приведение высказываний личностей, обладающих высоким авторитетом или наоборот высказываний тех людей, которые вызывают отрицательную реакцию; 5) «свои ребята» или «игра в простонародность» (plain folks) – установление интимно-доверительных отношений с аудиторией; 6) «перетасовка» или «подтасовка карт» (card stacking) – отбор и тенденциозное преподнесение только положительных или только отрицательных фактов при замалчивании противоположных; 7) «общий вагон», «общая платформа» или «фургон с оркестром» (band wagon) – подбор фраз, суждений, высказываний объединяющего характера, внушающих, что так происходит всегда, так делают все [Панарин 2006: 195-197].

На самом деле манипулятивных приемов намного больше: осмеяние (высмеивание), привлечение популярных личностей как медиаторов, инициирование информационной волны, слухи и многое другое. Для многих украинских СМИ характерно применение приема фасцинации (фасцинация в психологии – условия повышения эффективности воспринимаемого материала благодаря использованию сопутствующих фонов). Критическая лингвистика в этом случае может использовать метод фрейм-анализа. Фрейм – способ представления знаний и мнений об определенной типовой ситуации. Так, в текущем году фрейм «Победа» через рефреймирование – намеренное соскальзывание с одного фрейма на другой – последовательно лишался признаков общественно-ценостного понятия: поздравления на большинстве украинских каналов иллюстрировались кадрами кинохроники, рассказывающими об окружении и гибели сотен тысяч бойцов (в ре-

зультате победа ассоциировалась с катастрофой и отступлением), сопровождались опросами молодых людей, которые не знали, кто с кем воевал и кто начал войну (цель манипулятора – вытравить историческую память) и акцентированным показом пивных банок и другого мусора с тем, чтобы снизить статус праздника. Кроме того, Президент Украины в праздничном выступлении на майдане Незалежности то ли случайно, то ли специально поздравил страну с 65-летием Победы (то есть подсознательно закрепляется мысль о том, что война для Украины закончилась в 1944 году на ее границе). Целостное восприятие определенного периода общей истории разрушалось, образ оказывался мозаичным. Ввиду характерности для многих украинских СМИ использования приема фасцинации мы хотели бы обратить особое внимание именно на такого рода манипулятивные сценарии. Манипуляция, осуществляемая по такому сценарию, как правило, используется при освещении любых событий с участием России (военный конфликт на Кавказе, Евровидение и т.д.). Не случайно, большинство экспертов (Г. Почекцов, Л. Панкратова, А. Рутковский и др.) квалифицируют украинскую медиасферу как информационную войну с Россией.

Трудно не согласиться с мнением Э.Р. Лассан о том, что политическая лингвистика как наука не способна «предупредить опасное развитие общества» и что исследователи «могут только констатировать состояние общественных умов и в определенной степени прогнозировать пути развития общественной жизни» [Лассан 2009: 20-21], но именно эта наука может произвести глубинную «расчистку» манипулятивных завалов и сообщить о результатах своей работы общественности.

Едва ли не любая СМИ-информация оказывается манипулятивной, в том числе и новостная, которая по канонам журналистской этики не должна содержать сколько-нибудь выраженных оценок. Вот высказывание главного редактора УНИАН (Украинское Независимое Информационное Агентство Новостей) А. Харченко: «Мы сообщали и сообщаем новости независимо от того, как мы относимся к ним. Мы не определяем, кто прав или виноват в конфликте, но даем возможность высказаться всем участникам конфликта, чтобы читатель или сл�атель сам сделал выводы». Коммерческий директор УНИАН В. Нечипоренко сравнивает агентство с водопроводом, обеспечивающим всех водой: «В одном кафе из воды сделают кофе, в другом – чай, но вода всегда наша УНИАНовская. Вода – это новости, которые мы продуцируем и поставляем в средства массовой информации. Она должна быть чистой, без любых примесей или заангажированности» [Гречко, Майданович 2008]. Но такого рода позиции по большей части остаются декларативными.

Манипулятивная природа СМИ обладает огромным энергетическим ресурсом, и при хо-

рошем менеджменте манипуляций результат может оказаться фантастическим: общество вынуждено признать существование того, чего нет на самом деле, точнее говоря, оно не знает, есть нечто на самом деле или нет, поскольку фактическая информация перекрывается интерпретацией, и оценку получает не событие, а интерпретация, которая сама становится событием. «Зависимость аудитории от интерпретации событий в телевизионных передачах и прессе – не национально-специфическое явление, а проблема, стоящая перед разными культурами. События подаются в выгодном для определенной политической системы свете, на телезрителей и читателей оказывается идеологическое и эмоциональное воздействие. Интерес массовой аудитории моделируется и становится в зависимость от интересов людей, обладающих реальной властью в обществе» [Дубровская 2004: 97].

Борьба интерпретаций характерна для политического дискурса, массированное изучение которого лингвистами, социологами, политологами началось в постсоветское время. Сформировались научные направления, позволяющие проникнуть в сущность этого вида общественных действий через интеграцию аналитического инструментария политической психологии, политологии, социологии и ряда других наук. Возникли авторитетные научные школы политической лингвистики – Екатеринбургская, Волгоградская и нек. др.

Психологические компоненты политического поведения вербализуются в политическом дискурсе, и лингвистический параметр политического дискурса наиболее показателен. Назовем некоторые характерные признаки этого вида речевой деятельности, проявленные в политическом дискурсе современной Украины.

Вряд ли можно теоретически обосновать существование широкого круга политической лексики (кроме, может быть, названий политических течений, номинаций с идеологически фиксированной семой, которые, в общем-то, не трудно исчислить). Куда важнее, что соответствующий семантический признак или коннотацию может приобрести едва ли не любое слово, употребленное в нестандартной для него ситуации. Нужно только, чтобы было зафиксировано место, время, политические акторы и проявлен повышенный интерес СМИ к родившемуся политическому хронотопу. Показательный пример – окказиональная паронимизация слов «перезагрузка – перегрузка» во время встречи министра иностранных дел России С. Лаврова и госсекретаря Белого дома Х. Клинтон: американская сторона, имея в виду перезагрузку в отношениях с Россией, то есть переход в некое новое состояние, ошибочно употребила слово «перегрузка» (чрезмерная нагрузка), и эта невольная ошибка была подхвачена журналистами, пишущими о политике. Само слово «перезагрузка» стало политическим термином, широ-

ко используемым в политической риторике (так, шумный уход в отставку главы президентской канцелярии В. Балоги президент В. Ющенко объяснил необходимостью перезагрузки в украинской политике; в ответ представитель оппозиционной партии заявил, что никакой перезагрузки в украинской политике не происходит – информация украинских СМИ 19 мая 2009 г.). В украинском контексте политизировалось безобидное слово «крапка» (точка), которое нередко используется вместо вразумительных ответов на неудобные для политиков вопросы.

Политический дискурс складывается в условиях борьбы за власть, и конфликтный (оппозиционный) дискурс в полной мере проявляет концепт противоборства, который нередко строится на признаках bipolarности, всегда субъектно представлен, имеет определенные временные параметры, ситуативен и является разнообразие форм и способов текстовой организации (во всяком случае очевидно, что временный и затяжной конфликт, острый и вялотекущий, латентный и открытый представляют разные виды текстов). Выделение психологами деструктивного, конструктивного и стабилизирующего конфликта (деструктивный – расшатывает, девальвирует отношения и ценности; конструктивный – способствует обновлению структур и систем, установлению новых связей; стабилизирующий – нацелен на позитивный результат через устранение противоречий) весьма полезно для структурирования политического поля отношений. Типология дискурсов, выстраиваемых по тому или иному типу конфликта, требует совместного внимания социологов, политологов, лингвистов и специалистов по связям с общественностью. Экология общества как междисциплинарная проблема включает рассмотрение конфликтных дискурсов в их соотношении с понятиями толерантности и интолерантности. Толерантность обеспечивает существование различных форм жизни [Сternin 2003; Anisimova 2006: 13-14], интолерантность в политическом дискурсе связана прежде всего с противопоставлением «свой – чужой», «мы – они» [Синельникова 2005; Иссерс, Рахимбергенова 2009].

Концентрированным выражением манипулятивных средств и приемов в конфликтной коммуникации являются информационные войны как скоординированные пропагандистские акции [Корнилов 2007], которые доминируют в избирательных технологиях, но не ограничиваются этим видом деятельности. В информационных войнах СМИ используются как пропагандистская машина. Так, формат «газовые информационные войны» обнаруживает едва ли не все виды и способы манипуляции: набор импликаций, чередование прикрытых дипломатической риторикой ходов и резких инвектив, множественность подходов к формированию национальных и политических идентичностей и

др. Информационные войны – это словесно-смысловое противостояние (информагрессия, информатака), сопровождающееся диффамацией (неадекватной порочащей информацией), это всегда множество интерпретаций, в том числе прямо противоположных, способствующих рассогласованию взаимодействия через умножение негативных оценок и переход на личности [Общественная повестка дня и коммуникативные практики СМИ 2009]. В информационных войнах в полной мере проявляется семиотика театрального процесса: «политик-актер, следуя инструкциям своей пиар-команды (режиссерам) и подчиняясь драматургии «политической пьесы», в которой его роль (монолог) структурирован спичрайтером (драматургом), существует и действует в пространстве сцены...» [Астафурова, Олянич 2008: 119]. Многозначность слова, его стилистическая окраска стимулируют такой признак театральности, как языковая игра (примеры из дискурса газовой информационной войны: *дело – труба, труба – одна на всех*). Во время обострения политической конкуренции в пространстве информационных войн происходит потеря социо-оценочных критериев правды, справедливости, честности и основными коммуникативными тактиками становятся тактики самопрезентации и дискредитации оппонентов [Макарова 2007], [Кочубей 2008].

Поле власти организуется сетью разного рода отношений. Характер отношений определяется расстоянием, отделяющим от цели, то есть от власти. Дискурсивный подход позволяет описывать формы поведения политиков и учить при этом обратную связь – что и как люди думают о политике и политиках, как воспринимают лидеров разных стран. Материалы многочисленных Интернет-форумов могут представить любопытнейшую информацию социологам, политикам, лингвистам о политическом менталитете граждан. Форумный сетевой дискурс как «дискурс реагирования» (С.Н. Плотникова) может стать материалом для «внешнего аудита», который можно произвести на основе оценок, принадлежащих непрофессионалам, это – источник информации, связанной с наивной картиной мира, своеобразная экспликация ценностных ориентиров, строящихся на обыденном сознании современного человека, стремящегося понять и определенным образом оценить социальные (прежде всего – политические) события. К тому же, форумные тексты проявляют живую активность языковых категорий, имеющих колеблющийся нормативный статус. «Он и она. Впервые русская классика перешла без ограничений в политический контекст Украины» – это остроумное высказывание журналиста подтверждается фактом «гендерной чуткости» участников Интернет-форумов, которые наделяют родовой коррелят оценочной характеристикой (словоблудка, популистка и

под.). В политическом дискурсе Украины процесс конструирования гендера достаточно активен.

Обратная связь – феномен, на основе которого можно говорить об интердискурсивности, то есть о таком положении дел, «когда различные дискурсы и жанры артикулируются вместе в одном коммуникативном событии» [Филлипс, Йоргенсен 2004: 118]. На текстах обратной связи можно хорошо видеть, что другой может сделать с чужой речью в ее устном или письменном проявлении, как воспроизводится и трансформируется чужое слово. Лингвистические факты при условии детального анализа становятся социальными факторами. Именно поэтому обратная связь может рассматриваться как существенная часть проявления социального согласия или социальных конфликтов.

Политический дискурс социален, и любая политическая партия напоминает бизнес-проект, определяющий способы семиотического означивания себя и своих действий через разнообразные жанры позиционирования (программы, слоганы, публичные выступления и т.д.). Ведущей знаковой системой политического дискурса является речь, речевое опосредствование. Старые, привычные политические номинации в современном политическом дискурсе соседствуют с новыми – отсюда достаточная пластиность, гибкость политических текстов, изворотливость их создателей, на разных этапах и для разных групп населения (электоральных групп), стремящихся реализовать разные задачи. В то же время происходит процесс «свертывания» в группы наиболее показательных, презентативных для этого вида дискурсивной деятельности языковых ресурсов.

Политический дискурс оказывается площадкой для языковых игр и применения разнообразных риторических приемов, которые в условиях этой институциональной коммуникации можно рассматривать как единицы семиотизации театрального действия и аттрактанты внимания [Астафурова, Олянич 2008: 93-131]. Показательный пример – политическая метафорика. Политическая метафора выполняет несколько функций: когнитивную, так как особым образом моделирует положение дел, оценочную, воздействующую (усиливает эмоциональное воздействие), манипуляционную – манипулирует реакцией адресата и – главное – проявляет интенциональные установки автора политического текста.

Исследователями политической метафоры установлено, что высокой степенью презентационной эффективности обладает именно театральная метафорическая группа [Чудинов 2003: 113-115; Шейгал 2004: 62-66; Олянич 2004: 150-164]. Но политика пребывает в состоянии непрерывной метафоризации, и «метафорическая мозаика» (А.П. Чудинов) пополняется новыми «узорами». Так, в украинском

политическом дискурсе активно представлена глюттоническая (гастрономическая) метафорика: *Всё это густо приправлено майонезом хуторянского национализма и кетчупом городского популизма; электоральный пирог; истинные мотивы подлинного автора нового остrego блюда из президентской кухни, руководитель президентской канцелярии – реальный хозяин пищеблока* (примеры из газет). Глюттонические знаки [Олянич 2006: 20-53] проявляют политический дискурс как постмодернистский феномен.

Политический дискурс демонстрирует влияние знака на контекст и влияние контекста на знак. Метафорические модели рефлексии и интерпретации политических деятелей и событий могут быть поняты в системе как текстовых, так и внетекстовых связей: *искусственное оплодотворение Украины в 2004 году, шароварное табу, вертикаль власти и горизонталь украинского политического болота, турбулентная экономика, сквозняки перемен, газовый оффсайд*.

Дискурсивные свойства метафор проявляются в использовании риторического приема развития тропа. Именно этот прием позволяет говорить о метафорическом контексте как о вторичной модели действительности: сложные, а иногда и маловразумительные политические понятия и ситуации описываются с привлечением конкретной номинативной сферы. Активность этого приема позволяет включить его в число средств, составляющих композиционную поэтику современного публицистического текста [Кайда 2006]. Несколько примеров: *«Конституцию в каком-то смысле можно уподобить озеру, на поверхности которого «плавает» текст, а весь основной механизм скрыт от глаз под водой»* («2000». 25.04.2008). *«Виктор Балога – это Баррас «оранжевой» революции, неуклонно ведущий потрепанный политический корабль Банковой в залив Меньшего Зла* («2000». 20.06.2008). *«И не обеспеченные товаром потоки бумаг закупорили «сосуды» мировой экономики»* («2000». 3.04.2009). *«Сквозняки усиливаются, и если Тимошенко не построит ветрогенератор, ее этими сквозняками выдует с Грушевского, какими бы смысленными ни были ее политтехнологи или какой бы убедительной ни казалась она сама. Среди этих политтехнологов нет уже индейских жрецов, управляющих дождем, а он над Украиной становится все более проливным. И начинает превращаться в град. ... Но, может быть, народ наш проснется и сам определит, куда, откуда и с какой целью дуют сквозняки. И не пора ли заделать дыры в стене»* («2002. 3.04.2009). *«Сколько же можно наконец «гнать порожняк»? А ведь без конкретики на тему «так делать не надо, а надо вот так» вся критика действующего правительства выглядит именно «порожняком»* («2000» 3.04.2009).

В пространстве политического дискурса в полной мере действует категория изменчивого знака. «Изменчивый знак указывает, что один дискурс преуспел в фиксации его значения и что другие дискурсы борются, чтобы завоевать эту фиксацию» [Филлипс, Йоргесен 2004: 227]. Политический дискурс демонстрирует спектр семантических модификаций социально значимых понятий, их разброс. Именно в политическом дискурсе происходят семантико-коннотативные метаморфозы, стимулируемые мобильностью оценочных характеристик, их изменением на протяжении небольшого временного периода. Эволюция коннотативного поля концептов в политическом дискурсе неодновекторна, порой хаотична: она то приближается к точке бифуркации, меняющей семантический объем слова, то отдаляется от нее. Движение коннотативных признаков, их новая иерархизация осуществляются в особом pragmatischem kontekste, нередко строящемся на стилистической дифференциации. Красноречивый пример – оценочная семантика слова «электорат»: «В БЮТ никогда не забывают о том, что их главный капитал – это народ Украины. Или, если без возвышенных тонов, – просто электорат» («2000». 25.01.2008).

Манипулирование фантомными денотатами выполняет ряд функций, зависящих от адресатного вектора [Шейгал 2009]. Так, в украинском политическом дискурсе разоблачительную функцию выполняет слово-фантом «хаяява»: это сладкое слово «хаяява», демонология хаяявы, 10 шагов к нашей Великой Национальной Хаяяве, хаяявно-улучшенные квартиры, мечта о нашей Великой Европейской хаяяве («Принял дозу чего-то европейского и... свободен») – примеры из украинских газет.

Ирония в политическом дискурсе остается действенным приемом, строящемся на косвенной оценке, выводящей на социально-политический подтекст: «Вспомните, к примеру, знаменитую ампулу, которую Колин Паулл демонстрировал в ООН, предъявляя надуманные обвинения Хусейну в наличии у него химического оружия. Эту ампулу, как выяснилось, изготавлили сами американцы в свободное от глобальной борьбы за демократию время» («2000». 25.01.2008). Ирония в дискурсе – способ имплицитного выражения оценки, отделения «своих» от «чужих», привлечения внимания аудитории. Игровая природа иронии подтверждает театральность как одно из основных свойств политического дискурса [Кашкин, Шилихина 2009].

Нередко косвенная, но вполне определенная оценка формируется на основе фразеологизма, в том числе жаргонного характера: «Но Юлии Владимировне хоть кол на косе теши», «Но пока весь кошмар происходящего будет ими осознан, еще немало розовых макарон будет намотано на уши избирателя, пытающе-

гося обнаружить в магазинах «дефляцию», в государственных махинациях – «ревальвацию» национальной валюты, а в приватизации – «национализацию...» («2000». 15.08.2008).

Активны оценочные номинации перифразистического характера: доморощенная Эвита Перрон, политическая крошка Цахес, заклятая союзница, главный завхоз и главный жрец, «оранжевый» Гамлет, мухачевский Макиавелли. Политические онимы – pragmatische маркированный класс слов. Выбор номинаций, в том числе перифразистических, воздействует на сознание адресата политической коммуникации, формирует у него желательное для адресанта эмоциональное состояние [подробнее см.: Соболева 2009].

Прием нарушающих принцип соответствия совмещаемых языковых единиц контрадикторных построений нацелен на игру с собственным знанием и на установление особых отношений с адресатом: «Идеологи дискутируют монологами», «Какой замечательный некролог! С ним бы жить и жить!», «Трудно что-нибудь предвидеть, тем более будущее» – названия разделов одной статьи (В. Овдин, Армия без защиты // «2000». 4.07.2008). Сочинитель такого рода фраз демонстрирует «право на построение координат бытия» [Карасик 2009], и «проверка на истину» лежит в знании социальных фактов.

Можно обратить внимание на прием экспликации в тексте оговорок, точнее, квазиоговорок, строящихся на основе фонетической и (или) словообразовательной близости сталкиваемых слов. Такого рода политическое шаржирование как особый вид антифразиса используется в публикуемых из номера в номер статьях Критикана Политиканова (Еженедельник «2000»): «И депресс... простите, прогресс экономики, и рассвет дураком... виноват, демократии, и прочая... т.е. я хотел сказать – стабильность властей в управлении подведомственным населением. Вся клиника... извините, классика украинской действительности: поиск виновных, наказание невиновных, награждение непричастных и прочие преступления без наказания».

Персуазивность – основная иллокутивная установка субъектов политических действий. Персуазивность – это направленность на адресата, подчиненная выполнению стратегических задач. Под стратегией понимается «коммуникативная категория, представляющая собой процесс планирования и реализации автором текста языковых способов корректировки модели мира адресата» [Власян 2007: 27]. Названные языковые средства и приемы участвуют в создании персуазивного эффекта, и их выбор зависит от конкретных установок исполнителей. Небуквальные значения, проявленные в метафоре, иронии, других косвенных речевых актах, являются базовыми для pragmatики политического дискурса, и умение строить тексты по-

средством активизации небуквальных значений можно считать значимым показателем компетентности политиков и пишущих о политике журналистов в использовании языка.

Политическая афористика, которая «фиксирует в своей семантике обширный пласт знаний, отражающих опыт бытия Homo politicus» [Шейгал 2004: 153], продолжает оставаться семиотически проявленным агентом политической коммуникации. Так, на Форуме стран СНГ в Казахстане предметом внимания СМИ 22 мая 2009 года стали два афоризма: «Амбиции уходят с деньгами» (В. Путин) и «Украина побеждает в дополнительное время» (Ю. Тимошенко). Рефлективность и очевидная спонтанность такого рода высказываний не уменьшает их сигнификативной глубины, так как за ними стоит множество знакомых обществу политических реалий.

Ряд признаков политического дискурса, тех, которые непосредственно вытекают из природы власти (конкурентная борьба, манипулятивность, скрытие правды и др.), будет всегда: эти признаки вне времени. Облагораживанию политической коммуникации могут способствовать другие стратегии: формирование достоверного образа политика; акцент на действительно актуальных для народа проблемах; разоблачение «двойных стандартов»; избегание фрагментарного способа подачи информации, создающего информационный шум; отказ от манипулирования социологическими опросами; стремление к объективной интерпретации новостной информации и многое другое. Как представляется, любые действия по такому эволюционному вектору скажутся на политическом дискурсе положительно, то есть уменьшат долю агрессивности, лжи и манипулятивности.

Политическая личность непрерывно трансформируется под влиянием того поля деятельности, в которую она оказывается включенной. Проблемы политического лидерства, коммуникативных ресурсов различных институтов власти привлекают внимание представителей разных областей гуманитарного знания. Показательно, что исследователи стремятся учесть специфику постсоветских государств [Политика в особых 2008; Ганжуров 2007]. Харизматичность политических лидеров оказывается индикатором состояния общественного сознания, его многослойности и изменчивости. Народ находится в ожидании новых лиц и личностей в политике – более молодых, более образованных, амбициозных, но и реалистичных. Можно обратить внимание на такой прогноз: «Фаворитами в эволюционном отборе будут здоровые люди, достаточно эгоистичные, чтобы при необходимости соглашаться, достаточно умные, чтобы ценить правду, и достаточно совестливые, чтобы насколько возможно помогать другим» [Леонова 1996]. Применительно к большинству современных политиков даже такая компромиссная модель в полной мере неприложима, то

есть эволюционный «отбор» продолжается. И если он завершится благополучно, могут произойти изменения в самом образе политика. Уже сейчас можно говорить о некоторых политиках как дискурсивных личностях. Такую личность, например, формируют действия политиков в сайтах с интерактивным общением в режиме онлайн. Интернет дает возможность реализовать установку на интерактивное (дискуссионное) общение. Далеко не каждый политик может претендовать на звание Интернет-фигуры: этот статус могут получить так называемые тысячиники (тысячник для Живого Журнала – главный показатель значимости Интернет-фигуры). В перспективе диалогическая речевая деятельность окончательно вытеснит политические монологи, и именно на этом пути (интерактивном, с открытой обратной связью) может вырабатываться ответственная политика, в которой нуждаются в той или иной мере все постсоветские государства.

«В этом мире всё реклама, кроме некролога» – своеобразный афоризм нашего времени (заметим, к слову, что и некролог может быть имиджевой рекламой для его составителя). Рекламный дискурс многое сделал и продолжает делать для изменения состояния общественного сознания, для выработки новых моделей поведения, в том числе – вербального. Реклама в центр внимания ставит потребительский интерес, культивирует желание одномоментного результата, успеха любой ценой. Такого рода установка, насаждаемая фактически в режиме нон-стоп, не может не влиять на общественное сознание. Основное воздействие когнитивного характера со стороны рекламного дискурса – изменение соотношения ценностей. Причем ценности высшего порядка интерпринируются в быт, в культ еды и всяческого комфорта. Доминирует понятие кайфа, драйва (напомним кайф, kef – араб. состояние опьянения от употребления гашиша; безделье; состояние всякого рода удовольствия; драйв – состояние приятного возбуждения, удовольствия, первоначально – от употребления наркотиков). Кайф-удовольствие – далеко не то же самое, что гедонизм или дионисийство в понимании, скажем, Пушкина или Вяч. Иванова. Это просто кайф как таковой, физиологический, без культурной рефлексии. «Агрессивная самопрезентация» (И.А. Стернин) рекламы не безобидна для формирования агрессивности в обществе как едва ли не доминирующей реакции на события. Меняются этические детерминанты добра и зла, сдержанности и напористости и т.д. Существование и сущность в рекламе инверсируются. Правду, правильность ищут вовне, а не внутри, и поступки могут совершаться как ответ на импульсы, идущие от внешнего мира.

Молодое поколение хранит вербальную информацию, поступающую из рекламного дискурса. Некоторые рекламные выражения становятся «ритуальными идиомами», функциональ-

но приближаются к словам междометного характера и служат для нерасчлененного выражения (псевдо)эмоциональных реакций на окружающую действительность. Деконтекстуализация рекламных формул и выражений ослабляет познавательную способность, обедняет чувства. В то же время фразы из рекламных текстов, будучи прецедентными высказываниями, активно включаются в современные политические тексты: Несколько примеров: «Фрейд и Маркс в одном флаконе», «Легализуем. Недорого. Обращаться в кабмин», «Тогда мы идем к вам», «...надо бы как-то смягчить свою позицию и как минимум пожевать что-нибудь в момент, когда это лучше, чем говорить» (примеры из газет).

Рекламный креатив связан с поиском более эффективных носителей рекламы. Показателен факт непрекращающегося увеличения рекламных носителей: книги, кинофильмы, мусорные баки, обнаженные человеческие тела (коммерческий боди-арт), разного рода розыгрыши (*life-placement*) – все это входит в пространство и режим жизни современного человека. Каждый новый тип рекламного носителя связывается с конкретным сегментом аудитории. Разрабатываются новые формы работы с клиентами. Переключение на новую стратегию и новые методы подачи рекламы оказывается на структуре, риторике, языке рекламных текстов. Креатив на рекламном рынке грозит изменением ряда составляющих рекламного дискурса, хотя бы потому, что новые поколения потребителей рекламы, не знающие дефицита и получившие возможность выбора, перестанут реагировать на настойчивые зазывы и будут отзываться лишь на умные профессиональные советы. Поскольку инвективный характер рекламы вызывает очевидное напряжение со стороны потребителей, предвидится развитие дискурсивных форм увещевания и, следовательно, «изобретение» все новых и новых приемов манипуляции.

Позиционирование расширяет границы понятия «реклама» и постоянно требует разработки новых технологий интеграции разных видов информации и разных видов речевых действий, стимулирующих активность адресата. В этих условиях сформировалась особая языковая личность – личность копирайтера. Начало формирования такой личности относится к 90-м годам прошлого века, что показано в романе В. Пилевина «Generation «П». Вот несколько фрагментов из этого произведения: «Если бы в те далекие годы ему сказали, что он, когда вырастет, станет копирайтером, он бы, наверно, выронил от изумления бутылку «Пепси-колы» прямо на горячую гальку пионерского пляжа»; «... а в России задачей копирайтера было законопатить мозги заказчику»; «Именно в этом и заключался смысл его занятия – приспособливать западные рекламные кон-

цепции под ментальность российского потребителя». К началу нового века профессиональная психология личности копирайтера уже сложилась. В статье Влада Васюхина «Жуй с нами» [2002: 23] названы признаки такой закулисной, но достаточно влиятельной языковой личности: «Время от времени я работаю на конвейере. Я копирайтер. Это звучит гордо, но многие не въезжают. А потому чертовски приятно на вопрос: «Чем кормишься? – ответить небрежно: «Да так, копирайтерствую». ... Вот и копирайтер – это всего лишь текстовик. Но «текстовик» звучит совсем не пафосно, по-совковому. Что он может предложить поколению пепси – «Храните деньги в сберегательной кассе» и «Летайте самолетами Аэрофлота»? А копирайтер – те же уши, но в другом разрезе. Это в его светлой непредсказуемой голове рождаются глагол «сникерсни», или словосочетание «суперпробивной вкус», или фраза вроде «новая концепция жизненного пространства» (даже если речь идет о модели сливного бачка). Он придумывает сценарии телевизионных роликов, названия для разных товаров и услуг, и за одно, максимум два слова, часто лежащие на поверхности, ограбляет сумасшедшие деньги. Один мой коллега хвастался: «Мне за одно название для пива заплатили больше, чем «Вагриус» Лимонову – за целую книгу!».

Копирайтеры становятся влиятельными игроками на языковом поле освободившегося от цензуры постсоветского пространства. Они – устроители языковой игры, лежащей в основе клипового мышления, строящегося на «остаточном литературацентризме». Появляются слоганы-дегенераты типа «Пар костей не Ламент», «У наших ушки на макушке! Дисконт на гаражи-ракушки!» и под.

Прогнозирование в науке несет долю риска, но именно у науки есть право рисковать, прогнозируя. Основное направление изменений мы связываем с приспособлением языка, его стилистических ресурсов к новым потребностям общества. Нормативная неустойчивость принципов отбора и сочетания языковых средств, приоритет установки на успешность воздействия все более утверждает микширование как норму текстоустройства и оказывается стимулом для рождения новых жанровых форм в публицистике, в научном дискурсе и даже в наиболее консервативном деловом. Соперничество языковых маркеров успешности коммуникации с рекомендациями в области традиционной стилистической нормы, основывающейся на стилистическом согласовании единиц текста, создает «зону напряжения», но выигрыш первой позиции очевиден.

Процессы транспонирования, миграции языковых средств из других коммуникативных сфер, как кажется, будут нарастать – прежде всего за счет экспансии диалогических форм

речи разговорного характера (в том числе и в традиционно монологических формах и стилях речи). В качестве композиционной, а вместе с ней и риторической доминанты утверждается интеракциональность с разными видами адресант-адресатных отношений. Трансцендирование монологического я в интеракциональное мы – ведущая форма презентации совместности адресанта и адресата. Иначе говоря, дискурсивные действия во многих коммуникативных сферах (политической, рекламной, маркетинговой, управлеченческой) будут безальтернативно организовываться по фактору адресата. Языковая личность адресанта и языковая личность адресата окажутся максимально сближенными. Нарастание такого рода тенденции может принципиально изменить традиционный тезис о том, что употребление слова подчинено говорящему, осуществляющему выбор и отвечающему за него.

Фактор адресата значим и для моделирования в разных видах публичных действий проблемной ситуации (проблема для всех и проблема для целевой аудитории рождают разные виды речевых действий). Таюже с адресатом прежде всего связан аргументативный дискурс как своеобразный речевой алгоритм выхода из проблемной ситуации. В цепь аргументов в этом случае должен быть вовлечен адресат как полноправный участник коммуникативных действий.

Описание лингвистических средств управлеченческого дискурса – одна из насущных задач современности. Ее выполнение потребует от лингвиста знаний из области психологии, социологии, маркетинга, риторики. Маркетизация всех сфер общественной жизни [Лассан 2009] стимулирует формирование новых дискурсивных практик, в которых отчетливо проявляется тенденция к совмещению маркетологического и лингвосемиотического начал (сравним: афоризм как лингвокультурный феномен и слоган как позиционирующий, имиджевый и далее по мере внедрения в общественное сознание брендовый текст; сильная позиция текста как такового и ее специфическое назначение в рекламном тексте – кода текста, или эхо-фраза).

Для профессиональной коммуникации особенно важны речевые стратегии и тактики партнерства, корпоративности. «Конструирование модели предпринимательского поведения и становится наиболее ответственной задачей общества, претендующего на развитие» [Мальковская 2004: 68]. Задачи бизнес-коммуникации всегда прагматические, и в технологии общения включаются как вербальный план, так и множество невербальных компонентов (жесты, позы, перемещения, вокальные признаки речи и др.) [Романов, Ходырев 2001]. Такого рода синтез организует паттерны как некие новые фреймы, внедряемые в сознание коммуникантов-суггесторов. Паттерны – сознательная поэтапная «подстройка» к партнеру коммуникации че-

рез действия по определенному плану (сценарию), структурирование коммуникативных действий, выполнение которых предполагает успешный результат. Приведем несколько паттернов, рекомендуемых предпринимателям, настроенным на успешный бизнес: Паттерн «Закрепление ключевого высказывания»: 1. Произнесите ключевое высказывание. 2. Помните на одного из слушателей. 3. Сделайте паузу. 4. Увертительно покачайте головой. 5. Слегка улыбнитесь. 6. Продолжите выступление. Паттерн «Вызов доверия»: 1. Медленный темп. 2. Громкость умеренная. 3. Интонация интимно-доверительная [Ребрик 2004: 192-193]. Судя по всему, лингвистам, занимающимся проблемами культуры общения, придется конкретизировать (вплоть до алгоритмов) ситуации общения с тем, чтобы преодолевать дистанцию между внеситуативными рекомендациями относительно тактик и стратегий речи и конкретизированным ролевым поведением в условиях новых для социума рыночных отношений. В то же время встает вопрос: в какой степени витальны (приемлемы) алгоритмы паттернов для славянской ментальности, ориентированной на поведенческий тип реактивной культуры, характеризующийся гибким отношением к коммуникативному поведению и на игнорирование порядка [Клименко 2006: 145].

В профессиональном общении проявленной оказывается гендерная маркированность коммуникантов. Ролевое поведение гендеров исследователи соотносят с различиями в психологии, мировосприятии и в социокультурном опыте. Женская коммуникативная стратегия предполагает беседу, повышенное внимание к обратной связи, в то время как мужская чаще всего ограничивается передачей или получением информации без особого внимания к обратной связи; мужчины гораздо больше женщин склонны к публичным выступлениям, что соответствует их нацеленности на индивидуальный успех; женщины легко меняют коммуникативные роли, проявляя психологическую гибкость; женщина в общении сочетает рациональное и интуитивное, в то время как мужчина больше настроен на объективные оценки положения дел. В целом мужские коммуникативные стратегии ориентированы на вектор соперничества, доминирования, женские – на вектор взаимодействия и партнерского сотрудничества [Барышникова 2005: 126; Горошко 2002]. Ролевые «игры» мужчин и женщин в личной и деловой сферах по большей части описываются без учета национальных традиций, и рекомендации психологов проявляют установку на универсализацию моделей поведения, что можно рассматривать как одно из проявлений фактора глобализации в области коммуникаций [Романова (Лемайт) 2001; Эйтвин., Бриза 2000; Самоцкина 2001]. Очевидно, что гендерный фактор в постсоветском обществе претерпел качественные изменения: идеология равенства

мужчин и женщин сменилась подчеркиванием выгодной коммуникативной значимости половых различий. Изучение гендерного дискурса, стратегий фреймирования гендера в СМИ, в рекламных текстах, в отечественных и зарубежных кинофильмах требует активного сотрудничества представителей разных областей гуманитарного знания [Воронова 2009].

Во всех публичных дискурсах и в дискурсах маркетингового характера возрастет роль обратной связи: отклик – это оценка усилий, успеха, то есть рейтинг и имидж проявляются в отклике, в оценке воспринимающего. Именно обратная связь должна стать предметом повышенного интереса социологов, психологов, социальных психологов, политологов, лингвистов.

Получат развитие новые виды интеграции научных знаний и дисциплин. В связи с расхождением продуктивной установки автора – творца текста и рецептивных возможностей читателя можно прогнозировать развитие методологии и методик экспертивных дискурсов: в микшированном и манипулятивном тексте смыслы бывают замаскированными, и возможность вариативной интерпретации событий, их оценок требует психолингвистической экспертизы, которая по мере нарастания асимметрии между названными установками имеет тенденцию превращаться в лингвистический конфликт и трансформироваться в судебную лингвистическую экспертизу как особую герменевтическую процедуру [Кузьмина 2008; Кондрашова 2008; Доронина 2008; Кара-Мурза 2009].

Наиболее существенная интеграция предвидится, как нам представляется, в синтезе признаков маркетингового дискурса с разными формами и видами СМИ-дискурса. Дискурсивное пространство СМИ все более заполняется проектными манифестациями. Разработка проектов принадлежит, как правило, науке, а сам проект – бизнесу. Их общность – в установке на социально ориентированное коммуникативное воздействие. Проект нужно продвинуть (ключевые слова проекта – промоушн, раскрутка), значит, особым образом организовать информацию. В проекте нечего выступает в роли товара, будь это человек, идея и т.д., с тем, чтобы этот товар был узнаваем, идентифицирован.

Понятие «успешная коммуникация» скорее всего вытеснит понятие «правильная коммуникация» (с точки зрения ортологической нормативности), что может изменить само представление о коммуникативных девиациях и привести к новому квалификационному повороту в этой области деонтологических предписаний.

Новые информационные технологии существенно изменяют письменную речь, такие ее признаки как развернутость, соблюдение причинно-следственных связей, логичность, аргументированность и, наконец, нормативность, конвенциональность. Вырисовывается перспек-

тива развития системы сжатых текстов – текстов с опорой на коммуникативную ситуацию без непосредственной представленности коммуникантов, с упрощенной синтаксической структурой, многочисленными клише, произвольными, нарушающими традиционные нормы языка новообразованиями. Культивирование момента актуальности в сжатом тексте создает благоприятные условия для естественного синтеза подготовленного и спонтанного, преднамеренного и непреднамеренного. Все это активизирует действие категории кода и текста, ее проявление в специфических условиях, когда сокращение текста будет сопровождаться созданием новых кодов.

Постепенно накапливаются изменения в понятийном аппарате «новой» лингвистики. Внимание к разным видам компетенций – языковой, риторической, социо-культурной, этнической, межкультурной и зонтичной когнитивной не просто расширило представление о языковой личности, но потребовало смены парадигмы, поскольку «научный» концепт «языковая личность» потерял свой эвристический заряд в свете накопившихся разысканий в области анализа дискурса» [Баранов 2006]. Понятие «языковая личность», так много давшее лингвистам, социолингвистам, педагогам, существенно дополнится дериватами «семиотическая личность», «дискурсивная личность», которые вместят неизмеримо большее количество признаков адекватности и успешности пребывания человека в объемном информационно-коммуникативном пространстве нового века.

Понятие «компьютерный человек» со временем будет наполняться новыми смыслами, в чем убеждает нас поведение молодого поколения, выросшего с компьютером как с нянькой-кормилицей (любопытный случай, рассказанный журналистами: ребёнок, сбежав из дома, оставил родителям записку в виде смайлов).

Новые типы дискурсов, новые конфигурации языковых единиц в тексте требуют нового инструментария анализа, способного учсть эту множественность, новизну и многоаспектность. Дискурс-анализ даёт исследователю возможность объединять семантические характеристики с семиотическими и риторическими, рассматривать категории текста (информационности, эмотивности, интегративности, интертекстуальности и др.) в особом ракурсе, учитывать этнопсихологические, этнокультурные проявления в их соотношении с процессами глобализации и т.д. Дискурс-анализ – это всегда открытия в смежных областях знания о мире.

Какими будут медиа- и другие дискурсы через несколько лет? Как они будут проявлять европейскую или какую-то иную идентичность? Что останется в наших дискурсивных действиях от сложившихся в национальной культуре этических концептов? Ответы на эти и многие другие волнующие постсоветское общество вопросы

сы даст только время. Но и через время ответы на такого рода вопросы вряд ли могут быть окончательными и непротиворечивыми.

ЛИТЕРАТУРА

Анисимова А.Т. Конфликт и толерантность в контексте экологии общения // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности: тезисы докладов XV Междунар. симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. – М.; Калуга, 2006. С. 13-14.

Астафурова Т.Н., Олянич А.В. Лингвосемиотика власти: знак, слово, текст. – Волгоград: ИПК ФГОУ ВПО ВГСХА «Нива», 2008. 244 с.

Афаневич Т.В. Манипуляция как деформация межличностного взаимодействия // Личность – слово – социум. Материалы VIII междунар. науч.-практ. конф. – Минск: Пакус плюс, 2008. Ч. 1. С.5-7.

Баранов А.Г. Семиотическая личность: кодовые переходы // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности: тезисы докладов XV Междунар. симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. – М.; Калуга, 2006. С. 30-31.

Барышникова Г.В. Эффективное профессиональное общение: гендерная парадигма // Профессиональная коммуникация. Проблемы гуманитарных наук: сб. науч. тр. Филология, лингвистика, лингводидактика. – Волгоград, 2005. Вып. 1. С. 123-126.

Васюхин Влад, Жуй с нами // «Огонёк». 2002. № 14.

Власян Г.Р. Проблема коммуникативной стратегии в лингвистике // Языки профессиональной коммуникации: сб. ст. Третьей междунар. науч. конф.: В 2 т. – Челябинск, 2007. Т. 1. С. 26-29.

Воронова Л.А. Фрейм-анализ как метод гендерных исследований СМИ // Общественная повестка дня и коммуникативные практики: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. – М.: МГУ. С. 327-330.

Ганжуров Ю.С. Парламент України в політичній комунікації. – К.: Україна, 2007. 352 с.

Горошко Е.И. Гендерная проблематика в языкоznании // Гендерный калейдоскоп. – М.: ИЯ РАН, 2002. С. 508-542.

Гречко Т., Майданович Т. Супермаркету новостей – 15 лет // «2000». 20.06.2008.

Доронина С.В. Сведение и мнение в текстах СМИ: проблемы экспертной оценки переносных значений слов // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования: материалы II Междунар. науч. конф.– М., 2008. С. 473-476.

Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы, защита. – М.: ЧеRo, 1987. 216 с.

Дубровская О.Н. Формирование средствами массовой информации общественного мнения (на материале сложных речевых событий) // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. Власть и речь. – Изд-во Саратовского ун-та, 2004. Вып. 4. С. 91-97.

Иссерс О.С., Рахимбергенова М.Х. Этностереотипы «чужого» и их фреймовая организация в российских СМИ // Современная политическая лин-

гвистика: проблемы, концепции, перспективы: сб. науч. тр. – Волгоград, 2009. С. 68-77.

Кайда Л.Г. Композиционная поэтика публицистики: учеб. пособие. – М., 2006. 144 с.

Кара-Мурза Е.С. Лингвистическая экспертиза как процедура политической лингвистики // Политическая лингвистика / Гл. ред. А.П. Чудинов. – Екатеринбург, 2009. Вып. 1 (27). С. 47-72.

Карасик В.И. Абсурд в политической риторике // Современная политическая лингвистика: проблемы, концепции, перспективы: сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2009. С. 22-35.

Кашкин В.Б., Шилихина К.М. Зима всегда приходит неожиданно (ирония в политической коммуникации) // Современная политическая лингвистика: проблемы, концепции, перспективы: сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2009. С. 291-301.

Клименко Е.О. Лингво- и социокультурный концепт «management/менеджмент»: российско-американские параллели. – Волгоград, 2006. 216 с.

Кондрашова Д.С. Теория сегментной презентации дискурса как средство повышения объективности семантической экспертизы текстов массовой коммуникации. // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования: материалы II Междунар. науч. конф. – М., 2008. С.187-190.

Корнилов В. С кем воюет Украина? // «2000». 07.09.2007.

Кочубей Л. Виборчі технології: навч. посібник. – К.: Український центр політичного менеджменту, 2008. 332 с.

Кузьмина Н.А. Имплицитные смыслы медиатекста в аспекте судебных исков // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвуз.сб. науч. работ. – Орёл, 2008. Вып. 6. С. 244-252.

Леонова Г. Эволюция лжи // «Огонёк». – 1996. № 27.

Лассан Э.Р. О жизни метафор, которыми мы живём // Современная политическая лингвистика: проблемы, концепции, перспективы: сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2009. С. 5-21.

Леонтович О. Ведение в межкультурную коммуникацию: учеб. пособие. – М., 2007. 368 с.

Макарова В.В. Тактики убеждения в российском политическом дискурсе // Текст – дискурс – картина мира: межвуз. сб. науч. тр. – Воронеж, 2007. Вып. 3. С. 165-174.

Мальковская И.А. Знак коммуникации. Дискурсивные матрицы. – М., 2004. 240 с.

Общественная повестка дня и коммуникативные практики СМИ: материалы науч.-практ. конф. – М.: МГУ, 2009. 500 с.

Олянич А.В. Презентационная теория дискурса. – Волгоград: Парадигма, 2004. 507 с.

Олянич А.В. Потребности – дискурс – коммуникация. – Волгоград: ИПК ФГОУ ВПО ВГСХА «Нива», 2006. 224 с.

Панарин И.Н. Информационная война, PR и мировая политика. Учеб. пособие для вузов. – М.: Горячая линия – Телеком, 2006. 352 с.

Політика в особах. Політичне лідерство на постсоціалістичному просторі: національний і регіона-

льний контексти / За заг. Ред.. Ф.М. Рудича. – К.: Парламентське вид-во, 2008. 352 с.

Ребрик С. Презентация: 10 уроков. – М.: Изд-во Экмо, 2004. 200 с.

Романов А.А., Ходырев А.А. Управленческая риторика: учебник для студентов экономических специальностей. – М.: Лилия, 2001. 216 с.

Романова (Лемайте) Кристина. Мужчина и женщина: психология служебных отношений. – М.: Рипол Классик, 2001. 383 с.

Самоцкина Н.В. Мужчина глазами женщины, или О мужской психологии. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2001. 192 с.

Синельникова Л.Н. Роль концепта *толерантность* в формировании демократического общества // Синельникова Л.Н. Жизнь текста, или Текст жизни: избранные работы в 3-х т. – Луганск, 2005. Т. 2. С. 182-193.

Синельникова Л.Н. Коммуникативное пространство адресант-адресатных отношений в современном публицистическом дискурсе // Вісник Луганського нац. ун-ту ім. Тараса Шевченка. 2008. № 17 (156). С.10-25.

Соболева И.А. Современные политические оны-мы и ценностные предпочтения социума // Наукові зап. Луганського нац. ун-ту: зб. наукових праць.

Пред'ялення світу в гуманітарних дискурсах ХХІ століття. – Луганськ, 2009. Вип. VIII. С. 227-236.

Стернин И.А. Толерантность и коммуникация // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. С. 331-345.

Трошева Т.Б. Рассуждение // Стилистический энциклопедический словарь русского языка [Под ред. М.Н. Кожиной]. – М.: Флинта: Наука, 2003. С. 321-328.

Филлипс Л., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод [Пер. с английского]. – Харьков: Гуманитарный Центр, 2004. 336 с.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): монография. 2-е изд. – Екатеринбург, 2003. 238 с.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М.: Гнозис, 2004. 326 с.

Шейгал Е. И. Политические фантомы: слова и реалии // Современная политическая лингвистика: проблемы, концепции, перспективы: сб. науч. тр. – Волгоград, 2009. С. 35-54.

Эйтвин Г., Бриза О. Имидж современной женщины. – М.: Рипол Классик, 2000. 608 с.

© Синельникова Л.Н., 2009